

Виктория ИВЛЕВА

Юрий КАРЯКИН

«Знаете ли вы, сколь может быть силен один человек?»
(Из Ф. Достоевского)

Это — заметки из моего «Дневника русского читателя», записанные с ноября 1962 года по сегодня. Часть из них (самая наименеешая) была высказана публично...

Ноябрь 1962-го. Прага

Вдруг обожгло: разговор Ивана Денисовича с Алеши-баптистом в лагере, на нарах, — это же «разработка» темы о Боге и Божьем мире из «Братьев Карамазовых» (Иван и Алеша — в трактите «Столичный город», главка «Бунт»).

Иван Денисович: «Алеша, я же не против Бога, понимаешь. В Бога я охотно верю. Только вот не верю я в рай и в ад...»

Иван: «Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю».

Какая «гущина» текста и, одновременно, свободного пространства. Какие глубины чувств-мыслей — в сущности, на малосенькой «сотке» бумаги.

Ноябрь 1964-го. Рязань

А.И.С. подтвердил мою догадку: «Один день...» писался вслух. Стало быть, и читать-понимать его тоже надо вслух.

31 января 1968-го. Из выступления на вечере памяти А. Платонова в ЦДЛ

Я должен сказать о гениальном писателе нашей страны Александре Исаевиче Солженицыне, сказать тем людям, которые вешают на него сейчас всевозможные ярлыки: не спешите! Посмотрим еще, где будет он и где окажетесь вы через 10–20 лет в истории нашей культуры? Ну и, разумеется, вы, ненавистники Солженицына, пытаетесь воскресить Сталина. И тоже ведь ничего не выйдет. Черного кобеля не отмоешь добела.

22 июля 1985-го

Мне особенно дорого такое признание А.И.С. из «Архипелага ГУЛАГ»: «Оглянись, я увидел, как всю сознательную жизнь не понимал ни себя самого, ни своих стремлений. Мне долго мнилось благом то, что было для меня губительным, и я все порывался в сторону, противоположную той, которая была мне истинно нужна... Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями — она проходит через каждое человеческое сердце и через все человеческие

стали. Ольги, самими читали. И знают великолепно, что чтение «Архипелага» людям давали «срока». Так почему же они друг другу не дали такие же «срока»? Читают же антисоветчину...

Сентябрь 1988-го

Я бы «юноше, обдумывающему жить», сказал (и говорил своим ученикам-старшеклассникам и своим студентам): есть две книги, без которых нельзя, беззравственно вступать в наш мир, — «Бесы» и «Архипелаг ГУЛАГ». Две книги, обрамляющие законченный исторический цикл. Первая — гениально-художественное предчувствие, предупреждение перед входом в коммунистический ад. Вторая — исследование этого ада на выходе из него.

2 июня 1989-го. Из выступления на I Съезде народных депутатов СССР

Михаил Сергеевич! У меня к Вам просьба как к Президенту. Я хотел бы, чтобы наш Съезд поддержал ее. Просьба такая: вернуть российское наше гражданство человеку, который первым осмелился сказать правду о сталинщине, который первый призвал и себя, и нас не лгать, — великому писателю земли Русской, великому гуманисту Солженицыну.

Вы нашли общий язык с «железной леди», Вы нашли общий язык с Бушем и Рейганом.

«Ленин в Цюрихе». Великолепно о том, как осенило

сердца. Линия эта подвижна, она колеблется в нас с годами...

С тех пор я понял правду всех религий мира: они борются со злом в человеке (в каждом человеке). Нельзя изгнать злове из мира. Но можно в каждом человеке его потеснить.

С тех пор я понял ложь всех революций истории: они уничижают только современных им носителей зла, а не разбирая впопыхах и носителей добра — само же зло еще увеличимым, берут себе в наследство».

С себя, с себя он начинает покаяние, а потому-то неотразимо убедительным и становится его призыв к покаянию в том или ином, вольном или невольном, платоническом или физи-

ческом соучастии в злодеяниях. Но ведь слишком часто слышатся такие ответы на призывы: «Нам каяться не в чем! Мы своих убеждений не меняем!»...

Пушкин — каялся, Достоевский и Толстой — каялись, Чехов... А этим — «не в чем!». А еще стоят со свечками в храме Христовом...

Достоевский: «Вы говорите, что нравственно лишь поступать по убеждению. Но откуда же вы это вывели? Я вам прямо не поверю и скажу на-против, что беззравственно поступать по своим убеждениям. И вы, конечно, уж ничем меня не опровергнете. <...> Недостаточно определять нравственность верности своим убеждениям. Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна — Христос...».

(Разъяснения. Запись 4 декабря 2003-го.)

Январь 1992-го

Мы передали портрет А. И. Солженицына нашему посольству в Вашингтоне (фотографию этого портрета я засек и публикую).

Май 1986-го.
Из выступления
на первом вечере
в честь
Солженицына
в Доме кино

Я знаю несколько людей на самом верху, которые до сих

ном, Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык?

Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их высчитали? Мы не простили себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простили себе никогда, и потомки нам не простят, если мы не сделаем этого.

Январь 1992-го

Мы передали портрет А. И. Солженицына нашему посольству в Вашингтоне (фотографию этого портрета я засек и публикую).

(Разъяснения. Запись 4 декабря 2003-го.)

В 1990 году было создано Русско-американское философское общество «Апокалипсис», которое провело несколько конференций в Нью-Йорке и в Москве. Мне довелось быть вице-президентом этого общества с нашей стороны. И после конференции в Нью-Йорке в январе 1992 года меня пригласил к себе вице-

канцлер, я начал понимать, почему Ленин так не навидел Достоевского и так беззравственно любил Нечаева...

Я вспомнил вдруг (6 декабря с.г.), как я осмеливался спорить с А.И.С. году в

последних силах — цеплялся за портфель. Выяснилось: автор — американский юноша, прочитавший «Архипелаг ГУЛАГ» и потрясенный им. Портрет с успехом экспонировался на выставках, и полковник его купил. Я сначала отказался от столь щедрого подарка. А потом предложил: «Поседим вместе в Вашингтоне и подарим портрет российскому посольству». Так и сделали. Тогдашний посол В.П. Лукин с благодарностью принял подарок, и портрет одно время висел при входе в посольство. А когда Лукин возвратился на родину, вернул портрет мне...

Достоевский говорил о всемирно-исторической отзывчивости русского народа. Я не думаю, во-первых, чтобы это было нашим исключительным свойством. И американский юноша лишь раз доказал это. А вторых, где была наша всемирно-историческая отзывчивость, когда Сталин с Гитлером делил Польшу, присоединил Прибалтику, когда «спасали» Чехословакию, когда воевали в Афганистане...

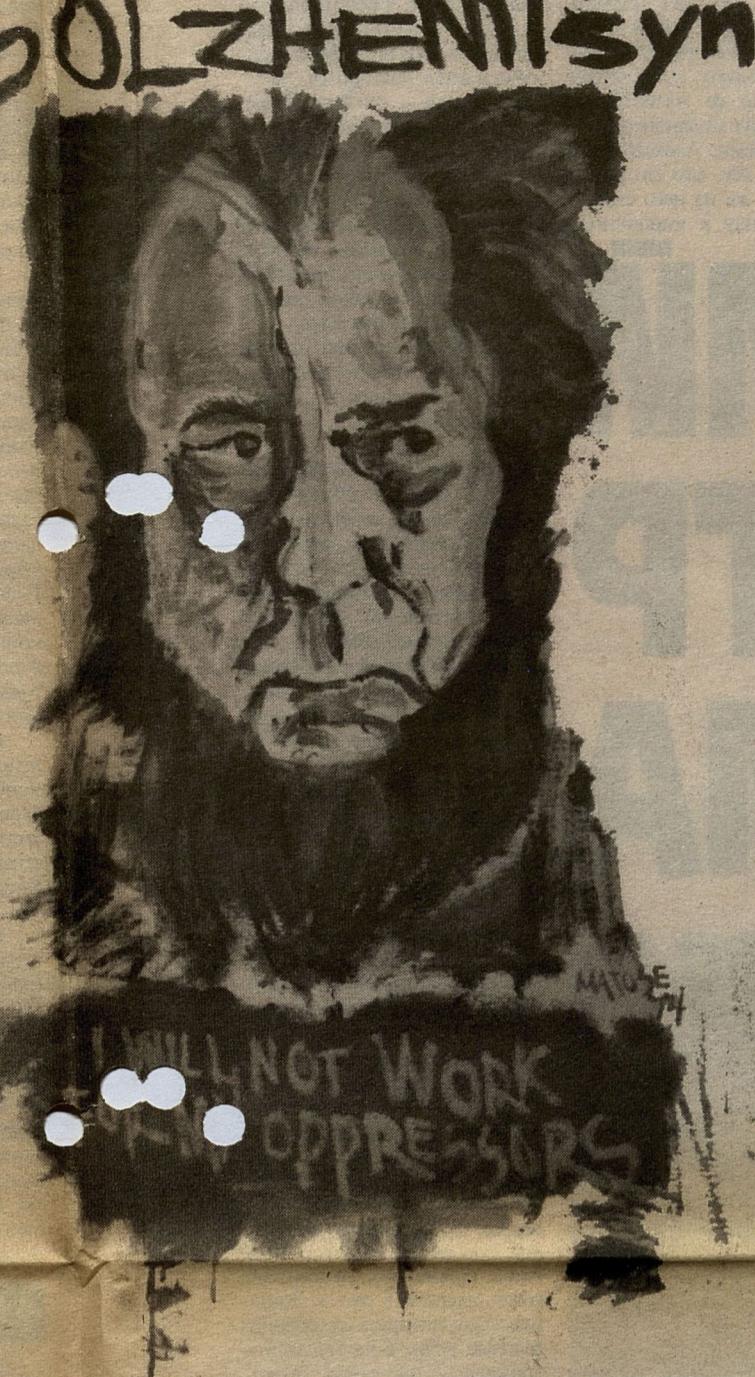
Портрет написан в 1977 году. Теперь, наверное, автору около 40. Я, к сожалению, не знаю его имени и его дальнейшей судьбы. Однако надеюсь, что он, может быть, отзовется через интернет.

10 апреля 1994-го

«Ленин в Цюрихе». Великолепно о том, как осенило

всех. Когда в ноябре 1962-го была опубликована эта повесть, потрясение — и у нас, и во всем мире — было беспримерным. Пожалуй, никогда еще первое произведение безвестного доселе автора не производило столь всеобщего и оглушающего, и просветляющего впечатления, столь небывалого и непосредственного отклика и столь небывалого раскола в оценках.

Но далеко не сразу и далеко не все (даже и до сих пор) поняли, что произошла не какая-то социально-политическая сенсация разоблачения сталинизма, а настоящий взрыв духовно-нравственно-религиозного сознания, взрыв посредством художественного слова.

И ЕЩЕ НЕИЗВЕСТНО, ЧТО ОН СКАЖЕТ

Александру Исаевичу
Солженицыну 30 025 дней
(или приблизительно 85 лет)

И если уж говорить о «шестидесятниках» (термин хотя и прижившийся, но неточный, конечно), то вышли они не из ХХ съезда КПСС, а из «Одного дня Ивана Денисовича» и «Матрениного двора». Две великие поэмы о трагической судьбе нашего народа, сохранившие — несмотря ни на что — душу живу. Реквием Солженицына, по силе боли и плача, по силе гнева и мужества, сопоставим лишь с ахматовским.

Я вовсе не хочу умалить значение ХХ съезда, но не забудем, что в секретном докладе Н. С. Хрущева была высказана лишь одна тысячная доля правды, да и ту обставили тысячей оговорок. А когда доклад был опубликован на Западе, официально объявили его «буржуазной фальшивкой». Точно так же в 20-х годах прошлого века, когда на том же Западе напечатали так называемое «Завещание Ленина», оно тоже было объявлено «буржуазной фальшивкой» — даже Троцкий! А потом «троцкистской» (?) — за одно хранение которой арест и расстрел.

Вот была бы потеха — или сразу, если бы он не отказался, что было вполне возможно: премия эта на какое-то время прикрыла бы его, оттянула или смягчила будущую абсолютно неизбежную травлю. А если б даже и дали, а он бы взял, скандал-потеха случился бы позже, когда дарители сообщили бы, наконец, что наступили на грабли. Так или иначе — не дали, но могли...

Однако сразу же за приведенными словами, в разгар нарастающей эйфории от приближавшейся, казалось, победы он сказал и другие слова: «Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплыться под ее развалинами».

Все это сбывается. Пока. (См. А. И. Солженицын «Россия в обвале», 1978)

Недавний визит В. В. Путина к Александру Исаевичу означает начало «просвещенного абсолютизма»?

Р. С. 6 декабря 2003-го
Два слова о мелком и глупом пакостничестве в отношении к А.И. Солженицыну на страницах одной популярной газеты. Совет автору: поменьше показываться на людях. Вдруг вспомнят благородную старину — и мало что руки не подадут, еще и пощечину...

Но было даже Гете в резерве, когда он писал своего «Вертера», — «Фауста». Не было в резерве и у юного Пушкина ни «Евгения Онегина», ни «Бориса Годунова». И у Толстого не было во время «Детства...» — «Войны и мира»...

«Один день...» — лишь малосенькая верхушка айсберга, о которой разобьется «Титаник» коммунизма.

О, если бы «они» там, наверху, только знали обо всем этом! Спасала (до поры до времени) жесточайшая конспирация.

Тем временем Солженицын начал обрасти добровольными помощниками, не говоря о десятках, если не сотнях тысяч сторонников.

Но когда в октябре 1964 года произошел государственный переворот (сняли Хрущева) и в Беловежской Пуще происходило по этому поводу совещание «братьев партий», некоторые участники высказались за то, чтобы не было больше никаких Иванов Денисовичей и «апологетических» статей о Солженицыне. Спохватились...

...В ходе Солженицына бывали отклонения, ошибки, даже поражения.

Но... Попробуйте, если хватит воображения и опыта, представить себя на его месте...

Начиная с середины 60-х были уже запреты на принятые в редакциях его книги, арест архивов, непрерывная слежка, было покушение на смертоубийство при «гуманишем» Андропове, наконец, арест самого А.И. и высылка его за границу (12–13 февраля 1974-го).

Но, несмотря ни на что, главная цель была достигнута.

В июле 1990-го Солженицын мог наконец сказать: «Часы коммунизма свое отбили».

Убежден: без А. И. Солженицына они протянули бы по-дольше.